На чердаке в Нью-Йорке солнечные лучи, отражавшиеся в тонированных окнах различных небоскребов, придавали полированным черным мраморным столешницам почти радужный оттенок. Однако просторный чердак, несмотря на всю свою красоту, казался пустым, поверхности голыми, и никаких украшений не было видно, кроме небольшого количества оружия, прикрепленного к стенам. Эту обстановку можно было бы назвать в лучшем случае спартанской, вся мебель явно высокого класса, но все в черном или белом цвете. В континууме с цветовой гаммой, на большой кровати с простыми, но роскошными белыми простынями можно было различить силуэт.

Очерченные контуры его фигуры делали его тощим - почти болезненным, и все же, если взглянуть на его лицо, поразительное лицо, которое можно было описать только одним способом: ангельским. Мирные черты его спящего лица придают ему почти неземное качество - как будто он может быть сломлен, если его разбудить слишком резко. Чернильно-черные волосы, обрамлявшие его лицо, казалось, жили своей собственной жизнью, излучая отсутствие цвета. Мальчик мирно лежал, размеренно вдыхая и выдыхая воздух.

Внезапно, нарушив идиллический образ, мальчик проснулся и застонал:

- Уваааааахх...

Он вытянул худые руки, испустил долгий, утомительный вздох и пробормотал:

- Еще один день, да. - Все казалось хорошо, и все же внезапно он открыл глаза и выдохнул. - Боль! Все пропало!

Он вспомнил, что хроническая боль, от которой он страдал после аварии, превратила его жизнь в ад. В свои 13 лет он пережил больше боли, чем люди обычно переживают за 50 жизней. Автомобильная авария, в которую он попал, была причиной этого, 10 лет ада, и он едва мог вспомнить причину. Все, что он знал, это то, что пьяный водитель (теперь уже задержанный властями) врезался на угнанной нефтяной вышке в машину, в которой находилась вся его семья: он сам, его старшая сестра, его мать и водитель - его отец. Он ничего не помнил с того дня и последовавших недель, можно было предположить, что он помнит, учитывая, что это событие ознаменовало смерть его семьи, и все же все, что он мог представить себе в те моменты, была боль.

Как будто кто-то разрывал его изнутри, от самых тонких нервных окончаний до самых крепких костей тела. Теперь же мальчик ничего этого не чувствовал, он просто чувствовал покой, умиротворение и удовольствие от того, что он жив.

http://tl.rulate.ru/book/47649/1143189